

Научная статья

УДК 821.161.1 + 82.091

DOI 10.17223/18137083/79/7

**Повесть Л. Н. Толстого «Детство»
как претекст «Детства Люверс» Б. Пастернака**

Ксения Вадимовна Абрамова

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению повести Л. Н. Толстого «Детство» как претекста повести Б. Пастернака «Детство Люверс». Мы анализируем переключку между двумя повестями. Прием остранения в них ведет за собой превращение мира детства в мир, заполненный вещами, которые преобразуются в пространстве памяти. Мы отмечаем различие в применении приема остранения в XIX и в XX в., но указываем, что импрессионистическое восприятие уже заложено в тексте Л. Толстого. Мы рассматриваем тему воспоминания и мотивы границы и ее пересечения, сна и пробуждения, видения сквозь сон, что позволяет говорить о введении в повествование пограничных ситуаций и состояний.

Ключевые слова

повесть взросления, детство, остранение, Л. Н. Толстой, Борис Пастернак, «Детство Люверс», образ ребенка, претекст, воспоминание, граница, мотив сна

Для цитирования

Абрамова К. В. Повесть Л. Н. Толстого «Детство» как претекст «Детства Люверс» Б. Пастернака // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 94–105. DOI 10.17223/18137083/79/7

**The story “Childhood” by L. N. Tolstoy
as a pretext of “Lovers’s Childhood” by B. Pasternak**

Ksenia V. Abramova

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
a-ks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1341-6083>

Abstract

The theme of childhood, being of particular importance in the 20th century, was influenced by the tradition of describing the child’s worldview in the stories of growing up in the 19th century. This work considers the story “Childhood” written by L. N. Tolstoy as a pretext to an-

© Абрамова К. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 94–105

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 94–105

other story “Lovers’s Childhood” by B. Pasternak. We analyze the echoes that arise between two stories. The method of defamiliarization (ostranenie) causes the world of childhood to be transformed into a world filled with things that exist in the space of memory and therefore undergo transformations. Although being almost imperceptible in Tolstoy’s story, this transformation of things in Pasternak’s story results in an enormous number of associations growing out of each image. While indicating the difference in using defamiliarization approach in the 19th and 20th centuries, we argue that the impressionistic perception caused by this method is already present in Leo Tolstoy’s text. Also, the analysis covers the theme of memories and the associated motifs of the border and its crossing and the themes of sleeping and awakening, vision through dreams. These themes and motifs arising in the story of growing up suggest the authors to have introduced borderline situations and states into the narrative. Such a tradition in the Russian story of childhood, already having been presented in Tolstoy’s “Childhood”, was preserved in the works of the 20th century.

Keywords

story of growing up, childhood, estrangement, L. N. Tolstoy, Boris Pasternak, “Lovers’s Childhood”, image of a child, pretext, memory, boundary, dream motif

For citation

Abramova K. V. The story “Childhood” by L. N. Tolstoy as a pretext of “Lovers’s Childhood” by B. Pasternak. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 94–105. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/7

Опубликованная в 1922 г. повесть Бориса Пастернака «Детство Люверс» продолжала ряд произведений начала XX в., затрагивавших тему взросления. Повесть поэта нашла отклик в критике¹, но нас интересуют в первую очередь два отзыва, в которых повесть Пастернака ставится в один ряд с другими произведениями о детстве. Так, в статье «Говорящие» Михаил Кузмин, размышляя о прозаическом произведении Пастернака, приводит перечень повестей о детстве, которые появились в русской литературе «за последние годы» («Детство» Горького, «Детство Никиты» А. Толстого, «Котик Летаев» А. Белого, «Младенчество» Вяч. Иванова, «Шведские перчатки» Юркуна), но отмечает, что «интерес повести Пастернака не в детской, пожалуй, психологии, а в огромной волне любви, теплоты, прямоты и какой-то целомудренной откровенности эмоциональных восприятий автора <...> Как ни странно, некоторые страницы, некоторые отношения автора (или его героини) напоминают облегченного Льва Толстого или романы Гёте» [Кузмин, 2018, с. 260]. Автор второй рецензии, Ю. Н. Тынянов, также упоминает Л. Н. Толстого в связи с рассуждениями о «Детстве Люверс»: «В этой неожиданной вещи – очень редкое, со времени Льва Толстого не попадавшееся, ощущение, почти запах новой вещи» [Тынянов, 1977, с. 161].

Повесть Бориса Пастернака «Детство Люверс» оказывается поставленной в один ряд с другими произведениями начала XX в., в которых тема взросления, перехода из младенчества в детство и от детства к юношескому возрасту занимает центральное место. Но, как видно из приведенных рецензий, уже первые читатели произведения Пастернака воспринимали его в русле сложившейся в русской литературе традиции описания детства, идущей от Л. Н. Толстого, которая переосмыслялась и приобретала особое звучание и особое значение в эпоху модернизма.

¹ Среди авторов рецензий можно назвать Евгения Замятина, Константина Локса, Георгия Адамовича и др. (см. подробнее [Б. Л. Пастернак: pro et contra, 2012, с. 239–276]).

В исследовательской литературе тема сопоставления повести Пастернака с другими повестями о детстве как XX, так и XIX в. практически не рассматривалась. Исключениями являются работа А. Архангельского, в которой проводятся параллели между «Младенчеством» Вяч. Иванова и «Детством Люверс» Пастернака, хотя, как подчеркивает исследователь, Б. Л. Пастернак «никогда не ощущал себя последователем Иванова» [Архангельский, 1994], и работа А. Ю. Сергеевой-Кляпис, посвященная сопоставлению образа ребенка в произведениях Бориса Пастернака и Андрея Белого [Сергеева-Кляпис, 2016]. Цель нашей статьи – проследить переключку произведения Пастернака с повестями о детстве XIX в., поскольку проза Бориса Пастернака представляет собой сложное единство, содержащее большое количество элементов, которые часто требуют расшифровки, и выявление и анализ подтекстов позволит раскрыть значимые аспекты и подсвечить новые смыслы в повести взросления XX в.² Поэтому мы хотим подробнее остановиться на повести Л. Н. Толстого «Детство» как претексте произведения Бориса Пастернака, наметить точки пересечения, которые прослеживаются в этих текстах.

Прежде чем мы перейдем к анализу элементов, которые позволяют говорить о переключке в повестях Бориса Пастернака и Льва Толстого, нужно отметить, что детство для Пастернака – особая тема, занимающая важное место в его поэтике³. Тема детства в произведениях Пастернака, причем и в поэзии, и в прозе, оказывается сопряженной с мотивами грозы, метели, бури и связанными с ними и идущими от них темами вдохновения, рождения творчества. Интересно, что в этом аспекте тоже обнаруживается влияние произведений Л. Н. Толстого: «миф о метели» и в «Докторе Живаго», и в «Детстве Люверс», по наблюдению К. А. Нагиной, совмещенный с темами случая, судьбы, предопределенности, продолжает пушкинскую и толстовскую традиции [Нагина, 2011]⁴.

Несомненно, «Детство» Л. Н. Толстого стало произведением, оказавшим огромное влияние на русскую литературу, и в первую очередь – на развитие произведений, в которых центральное место занимает образ ребенка, наделенный особым поэтическим восприятием времени и пространства окружающего мира⁵. Первый аспект, который мы хотели бы рассмотреть в связи с сопоставлением повести Б. Л. Пастернака и повести Л. Н. Толстого в качестве ее подтекста, – это использование приема остранения⁶. Этот прием напрямую связан с изображением

² Здесь мы опираемся на положение, о котором говорит Л. Л. Горелик, ссылаясь на работы Ю. Н. Чумакова о возможности «неявной фабулы»: «при анализе прозы Пастернака иногда приходится оспаривать предложенные ранее истолкования фабулы его повестей, поскольку в некоторых случаях только тщательное исследование подтекстов может способствовать проявлению на уровне образов и мотивов внутреннего, неявного движения содержания» [Горелик, 2000, с. 5].

³ См. об этом, например: [Архангельский, 1991; Иванов, 2015]. Нужно сказать, что образ ребенка и детская тема также приобретают особую значимость в искусстве модернизма (см. об этом, например: [Мастепак, Полева, 2020; Волегов, 2020]).

⁴ О пушкинской традиции в построении образа метели см. также [Горелик, 2000].

⁵ Анализ влияния повести Л. Н. Толстого на другие произведения русской литературы о взрослении героев не входит в задачи нашего исследования, укажем здесь лишь некоторые работы, рассматривающие влияние «Детства» Л. Н. Толстого на произведения авторов XIX в. [Бондарь, 1992; Романова, 2008; 2009], И. А. Бунина [Бочаева, 2000], Ю. Казакова [Махихина, 1993].

⁶ Несмотря на то что В. Шкловский, рассуждая об остранении, в первую очередь опирается на примеры из произведений Л. Н. Толстого, существует мнение, что «Толстой ни-

ем вещи⁷, а мир детства в обеих рассматриваемых повестях показан как вещный мир, он наполнен различными предметами и деталями, часто увиденными как будто впервые, потерявшими свои очертания. И Пастернак, и Толстой как будто иллюстрируют высказывание В. Подороги: «Подлинным бытием вашей, только вам принадлежащей Вещи могут оказаться сновидения, воспоминания детства, привычки, отношения с другими, решающие “события” и трагические “истории”» [Подорога, 2016, с. 21]. Но, тем не менее, остранение как прием используется Пастернаком и Толстым по-разному. К. Гинзбург говорит об остранении XIX в., «остранении по-толстовски», и остранении XX в., «остранением по-прустовски». По мысли исследователя, в их основе лежит взгляд на вещь, как на впервые увиденную, но взгляд этот приводит к разным результатам: в случае Толстого – к моральной и социальной критике, в другом случае – к импрессионистической непосредственности [Гинзбург, 2006]. Это положение, на наш взгляд, открывает новые пути рассматривания такой особенности описания вещного мира в прозе Бориса Пастернака⁸, которая ведет к огромному количеству ассоциаций⁹, в том числе и живописных¹⁰.

Что же касается остранения у Толстого, то, как нам кажется, оно не всегда ведет за собой моральную или социальную критику, в «Детстве» уже предвосхищаются импрессионистические приемы, которые будут развиваться в творчестве авторов XX в. Разберем один фрагмент повести Л. Толстого:

Уже смеркалось, когда мы приехали домой. Маман села за рояль, а мы, дети, принесли бумаги, карандаши, краски и расположились рисовать около круглого стола. У меня была только синяя краска; но, несмотря на это, я затеял рисовать охоту. Очень живо изобразив синего мальчика верхом на синей лошади и синих собак, я не знал наверное, можно ли нарисовать синего зайца, и побежал к папа в кабинет посоветоваться об этом. Папа читал что-то и на вопрос мой: «Бывают ли синие зайцы?», не поднимая головы, отвечал: «Бывают, мой друг, бывают». Возвратившись к круглому столу,

когда не использовал остранение как чисто литературный прием». К. Гинзбург указывает, что «для него это был способ, говоря словами Марка Аврелия, “метить прямо в вещи и проходить их насквозь, чтобы усмотреть, что они такое”; ради этого и требовалось “обнажать и разглядывать их невзрачность и устранять предания, в какие они рядятся”» [Гинзбург, 2006]. В процитированной работе К. Гинзбург рассматривает остранение у Толстого через призму интеллектуальной традиции, идущей от произведений Марка Аврелия и авторов эпохи Просвещения, и приходит к выводу, что именно такое «двойное» влияние создает специфику использования Толстым приема остранения.

⁷ Приведем цитату из В. Шкловского, который впервые ввел понятие «остранение» в статье «Искусство как прием», опубликованной в 1927 г.: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство, то есть способ пережить делание вещи, а сделанное в искусстве, не важно» [Шкловский, 2018, с. 256].

⁸ Об использовании остранения Пастернаком в поэтических произведениях см. [Баевский, 2013] и об этой книге [Мальцева и др., 2014].

⁹ Расшифровка таких ассоциаций становится ведущей темой многих исследований «Детства Люверс», приведем здесь лишь одну из них, ставшую основополагающей, – работу Е. Фарыно [Фаруно, 1993].

¹⁰ Мы подробно говорили о живописных ассоциациях в «Детстве Люверс» в работе [Абрамова, 2020].

я изобразил синего зайца, потом нашел нужным переделать из синего зайца куст. Куст тоже мне не понравился; я сделал из него дерево, из дерева – скирд, из скирда – облако и, наконец, так испачкал всю бумагу синей краской, что с досады разорвал ее и пошел дремать на вольтеровское кресло [Толстой, 1935, с. 30–31].

В описании процесса рисования нет ничего необычного, но в нем появляется ограничивающий момент – всего одна краска, которой Николенька пытается изобразить сцену охоты. Тем не менее, сомнение в возможности использования этого цвета возникает только тогда, когда герой решает изобразить зайца, но не затрагивает уже нарисованных мальчика, лошади, собак. Алогичность детского взгляда на мир как будто подтверждается рассеянным ответом взрослого: «Бывают, мой друг, бывают». Эпизод заканчивается чередой метаморфоз, которым подвергается заяц¹¹, что в итоге приводит к уничтожению рисунка.

Вещи, которые предстают перед читателем в повестях Толстого и Пастернака, – это вещи, существующие в пространстве воспоминаний о детстве. В «Детстве» Толстого это выражено более явно: то, что происходит с героем, с Николенькой, дается как воспоминание о прошлом. П. Попов говорит даже о «двойном плане сферы воспоминаний» у Толстого: «воспоминание, преломленное через призму воспоминания» [Попов, 1939, с. 85]. Именно поэтому точка зрения повествователя постоянно переключается между детским взглядом Николеньки, который воспринимает вещи, события в непосредственной близости, и взглядом взрослого рассказчика, рассматривающего всё происходящее издали, через призму воспоминаний¹².

В связи с темой воспоминаний и самой формой изложения, характерной для Толстого, хотелось бы остановиться еще на одном эпизоде, идущем сразу после уже упомянутого нами отрывка:

Матан играла второй концерт Фильда – своего учителя. Я дремал, и в моем воображении возникали какие-то легкие, светлые и прозрачные воспоминания. Она заиграла патетическую сонату Бетховена, и я вспомнил что-то грустное, тяжелое и мрачное. Матан часто играла эти две пьесы; поэтому я очень хорошо помню чувство, которое они во мне возбуждали. Чувство это было похоже на воспоминание; но воспоминание чего? Кажется, что вспоминаешь то, чего никогда не было [Толстой, 1935, с. 31].

Этот фрагмент интересен, с нашей точки зрения, тем, что в нем происходит упомянутое нами переключение с одной точки зрения на другую: эпизод начинается как описание происходящего с Николенькой, он засыпает. Но музыка будит в его воображении «воспоминания», которые никак конкретно не описываются, дается только их характеристика: сначала «легкие, светлые и прозрачные», затем – «грустное, тяжелое и мрачное». Затем возникает уже взрослый повествователь, говорящий о том, что он помнит эту музыку и эти «воспоминания». В конце же происходит неожиданное нарушение читательского ожидания: кажется, что вот-вот будет названо то, чему не смог дать наименование ребенок, но всё оборачивается воспоминанием о том, «чего никогда не было». Воспоминание о несуществующем – тема, которая скорее могла бы возникнуть в произведениях эпохи

¹¹ Заметим, что этот неудавшийся рисунок зайца отсылает к описанию охоты, в которой участвовал мальчик, и становится своеобразным эквивалентом упущенной добычи.

¹² Об этом см. подробнее, например, [Романова, 2008].

модернизма, потому что она выводит героя повествования как бы за рамки автобиографизма в описании детства, как будто переносит героя в пространство вне того, что он может воспринимать. Здесь, на наш взгляд, обнаруживается переход внимания от личности к самим душевным состояниям, к их составу, в котором Б. Эйхенбаум видел форму «затрудненности художественного восприятия, обновления материала, ставшего банальным и потому художественно неощутимым» [1922, с. 75].

У Бориса Пастернака тема воспоминаний о детстве появляется уже в одном из ранних набросков «Когда Реликвимини вспоминалось детство...». Приведем начало этого текста:

Когда Реликвимини вспоминалось детство, он находил его окруженным полуденными деревьями, сквозь которые неся полусон кастрюль с кухни, пересыпалось горячее стрекотание, и, сбивая друг друга в воздухе, уставали мотыльки. Или ему припоминалась вечерняя лужайка за плетнем; на траве так умно, точно и строго был нарезан забор и выпилены тени подглядывающих веток; далеко за сгустившимися ромашками над кустарной далью сторонилась безвременная звезда, какая-то невиданная, и все было расставлено так тихо и просторно, как будто готовились к какому-то дальнему крику или окрику, и притихли, чтобы откликнуться: прямой душистый воздух вел из калитки туда, где это могло произойти [Пастернак, 2004, с. 436].

В этом отрывке тема воспоминания вводится первой фразой, и далее разворачивается живописное описание, похожее на то, что возникнет позже в «Детстве Люверс», в одном из важнейших, на наш взгляд, эпизодов, в котором Женя впервые видит хромого¹³. Детство в этом раннем наброске предстает как ожившая картина, наполненная деталями: деревья, мотыльки, тени веток, ромашки, «безвременная», «какая-то невиданная» звезда – всё как будто останавливается и застывает, как на полотне художника (мотив сна и замирания проходит через весь приведенный отрывок: «полусон кастрюль с кухни»; «уставали мотыльки»; «все было расставлено так тихо и просторно»).

Сближение темы детства с понятиями «граница», «черта», «линия», «рисунок» отмечено в исследовании «Антология художественных концептов XX века», авторы которой, рассматривая ранние тексты Пастернака, отмечают, что «Детство воспринимается писателем как некий идеал, загадочный акварельный этюд, где прописаны конкретные образы и в то же время переходы от одного объекта к другому – мягкие, плавные, едва уловимые»¹⁴ [Антология художественных концептов..., 2019, с. 89–132].

Если же говорить о повести «Детство Люверс», то в ней также появляются важные для Бориса Пастернака мотивы границы и ее пересечения. Вся повесть оказывается построена на переходных и переломных моментах взросления героини. Сразу же отметим, что это присуще и повести Л. Н. Толстого «Детство», где описано всего несколько дней, несколько эпизодов из жизни Николеньки Иртынь-

¹³ Данный эпизод мы подробно разбирали в работе [Абрамова, 2020], выявляя в нем экфрастические черты.

¹⁴ В воспоминаниях Реликвимини происходит любопытная временная подмена: «Детство запомнило полдни и возвращение полодок с работ; юность связала себя с рассветом. Поэтому юность Реликвимини настала для него раньше его детства. Юность предшествовала детству Реликвимини» [Пастернак, 2004, с. 436].

ева, но эти моменты также приобретают значение важных этапов, из преодоления которых складывается процесс взросления героя (здесь и значительные события, такие как переезд из родного дома в город, первые переживания влюбленности, смерть матери и мелкие и обыденные переживания, например занятие рисованием, о котором мы писали выше, тоже наделенные качествами переходных и переломных).

Но приведем пример из повести Б. Пастернака, в котором проявляется тема воспоминания¹⁵, а также тема границы, черты, ее перехода. Открывающий вторую часть повести эпизод с француженкой, которая «похожа была на муху»¹⁶, описан как воспоминание: на протяжении всего отрывка это подчеркивается несколько раз словами «припоминала», «было утрачено» (т. е. забыто), «она только помнила»:

Впоследствии Женя припоминала только, что француженка похожа была на муху и никто ее не любил. Имя ее было утрачено совершенно, и Женя не могла бы сказать, среди каких слогов и звуков можно на это имя набрести. Она только помнила, что француженка сперва накричала на нее, а потом взяла ножницы и выстригла то место в медвежьей шкуре, которое было закровавлено [Пастернак, 2004, с. 37–38].

В эпизоде описывается еще один важный момент во взрослении девочки, который тоже представляет собой символическую границу между детством и девичеством, что подчеркивается еще и состоянием героини, колеблющимся между воспоминанием о событии и исчезновением, растворением памяти о нем. Женя вспоминает только саму француженку, но не ее имя и не сами события, которые в дальнейшем изложены уже голосом повествователя. Состояние между памятью и беспомытством становится еще одним из ряда пограничных состояний, возникающих в повести: состояния сна, болезни, возникновения видений¹⁷. В «Детстве» Л. Н. Толстого тема сна и пробуждения также занимает важное место: вспомним хотя бы, что повесть начинается с пробуждения Николеньки Иртенъева. Но мы приведем еще один пример, где тема сна соединяется с мотивом видения, в котором вещи предстают в странном, искаженном виде:

Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на ее лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая – лицо ее не больше пуговицы; но оно мне все так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть ее такой крошечной. Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился – и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно [Толстой, 1935, с. 43].

Взгляд сквозь сон – это еще один вариант приема остранения, при котором уже передаются не просто детские впечатления или воспоминания; образ матери, который возникает здесь, становится частью самого героя, он как будто управляет

¹⁵ Теме памяти в повести «Детство Люверс» посвящено исследование А. С. Акимовой [2007].

¹⁶ Отметим здесь ассоциацию с убитой мухой, которая появляется в самом начале «Детства» Л. Н. Толстого.

¹⁷ О том, как такие состояния влияют на описание мира детства у Пастернака, писал уже Ю. Н. Тынянов [1977, с. 167].

этим необычным взглядом («Я прищуриваю глаза еще больше, и она делается...»), но очарование, которое он испытывает, разрушается, как будто предсказывая будущую потерю.

В нашей работе мы обозначили перекличку двух повестей о детстве и взрослении. И это позволяет говорить о том, что Борис Пастернак создавал свою повесть о детстве, опираясь на повесть Льва Толстого, именно поэтому уже в первых рецензиях на «Детство Люверс» Пастернака отмечалось ассоциативное сходство его произведения с «Детством» Л. Н. Толстого. В заключение приведем еще одно наблюдение. В «Детстве» Л. Н. Толстого присутствует еще одна тема, которая затем преломилась в «Детстве Люверс» Бориса Пастернака, – это тема подслушанного, подсмотренного, «незаконного» проникновения ребенка в мир взрослых. В повести Толстого, например, герой подслушивает разговор взрослых о его родителях, в тексте Пастернака один из ключевых эпизодов взросления героини также строится с помощью этой темы:

Женю в те годы спать укладывали рано. Она не могла видеть огней Мотовилихи. Но однажды ангорская кошка, чем-то испуганная, резко шевельнулась во сне и разбудила Женю. Тогда она увидела взрослых на балконе. Нависавшая над брусьями ольха была густа и переливчата, как чернила. Чай в стаканах был красен. Манжеты и карты – желты, сукно – зелено. Это было похоже на бред, но у этого бреда было название, известное и Жене: шла игра.

Зато нипочем нельзя было определить того, что творилось на том берегу, далеко-далеко: у того не было названия и не было отчетливого цвета и точных очертаний; и волнующееся, оно было милым и родным и не было бредом, как то, что бормотало и ворочалось в клубах табачного дыма, бросая свежие, ветреные тени на рыжие бревна галереи. Женя расплакалась... [Пастернак, 2004, с. 34].

У приведенного фрагмента есть автобиографический подтекст, описанный самим Борисом Пастернаком в очерке «Люди и положения», и он тоже указывает на взаимосвязь с Л. Н. Толстым и на его влияние на творчество Б. Л. Пастернака:

Записанную Родионовым ночь я прекрасно помню. Посреди нее я проснулся от сладкой, щемящей муки, в такой мере ранее не испытанной. Я закричал и заплакал от тоски и страха. Но музыка заглушала мои слезы, и только когда разбудившую меня часть трио доиграли до конца, меня услышали. Занавеска, за которой я лежал и которая разделяла комнату надвое, раздвинулась. Показалась мать, склонилась надо мной и быстро меня успокоила. Наверное, меня вынесли гостям, или, может быть, сквозь раму оконной двери я увидел гостиную. Она полна была табачного дыма. Мигали ресницами свечи, точно он ел им глаза. Они ярко освещали красное лакированное дерево скрипки и виолончели. Чернел рояль. Чернели сюртуки мужчин. Дамы до плеч высывались из платьев, как именинные цветы из цветочных корзин. С кольцами дыма сливались седины двух или трех стариков. Одного я потом хорошо знал и часто видел. Это был художник Н. Н. Ге. Образ другого, как у большинства, прошел через всю мою жизнь, в особенности потому, что отец иллюстрировал его, ездил к нему, почитал его и что его духом проникнут был весь наш дом. Это был Лев Николаевич [Пастернак, 2004, с. 298].

Список литературы

- Абрамова К. В.* «Оживающие картины» в «Детстве Люверс» Б. Пастернака // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 472–489. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-472-489
- Акимова А. С.* Память как духовное странствие Жени Люверс // Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд: Материалы XI Шешуковских чтений. М., 2007. С. 215–219.
- Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: ФЛИНТА, 2019. 356 с.
- Архангельский А.* Охранная грамота детства // Пастернак Б. Л. Детство Люверс: Повести и очерк. М., 1991. С. 5–14.
- Архангельский А.* Младенчество Вячеслава Иванова и философия детства у Бориса Пастернака // Cahiers du monde russe. 1994. Vol. 35, no. 1/2. P. 285–294.
- Б. Л. Пастернак: pro et contra: Антология / Сост., коммент. Ел. В. Пастернак, М. А. Рашковская, А. Ю. Сергеева-Клятис, вступ. ст. Е. Б. Пастернак. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. Т. 1. 1128 с.
- Баевский В. С.* Остранение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. 56 с.
- Бондарь С. Ю.* Тема детства в автобиографических повестях С. Аксакова и Л. Толстого // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1992. С. 77–85.
- Бочаева Н. Г.* Детство в творчестве Л. Н. Толстого и И. А. Бунина (К вопросу о взаимосвязи традиций и новаторства) // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2000. Вып. 2. С. 101–104.
- Волегов А. В.* Русская раннесимволистская проза и британские модернисты. Ф. Сологуб и К. Мэнсфилд // Социокультурное пространство России и Зарубежья: Общество, образование, язык. 2020. № 9. С. 20–31.
- Гинзбург К.* Остранение: Предыстория одного литературного приема // Новое литературное обозрение. 2006. № 4 (80). С. 9–29.
- Горелик Л. Л.* Ранняя проза Пастернака: миф о творении. Смоленск, 2000. 172 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Азбуковник, 2015. 696 с.
- Кузмин М. А.* Условности. М., 2018. 306 с.
- Мальцева О. А., Павлова Л. В., Романова И. В.* Баевский В. С. Остранение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. 56 с. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2014. № 5. С. 220–223.
- Мастенак Т. Г., Полева Е. А.* Детство в социокультурном пространстве романа В. Набокова «Дар» // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2020. № 3 (209). С. 30–44.
- Махихина Н. Г.* Традиции раскрытия темы детства в русской литературе XX века (Ю. Казаков и Л. Толстой) // Слово и мысль Льва Толстого. Казань, 1993. С. 30–38.
- Нагина К. А.* Траектории «Метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака) // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1, № 1. С. 31–40.
- Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. / Сост., коммент. Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак. М.: СЛОВО / SLOVO, 2004. Т. 3: Проза. 632 с.
- Подорога В.* Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. М.: Грюндриссе, 2016. 348 с.

- Попов П. Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. 1939. Т. 35. С. 78–116.
- Романова Н. И. Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л. Н. Толстого «Детство» // Русская речь. 2008. № 1. С. 19–22.
- Романова Н. И. Повесть Л. Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 209 с.
- Сергеева-Клятис А. Ю. «Бывают странные сближенья...»: Андрей Белый – Борис Пастернак // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 3. С. 34–40.
- Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Серия первая «Произведения». М.: Худож. лит., 1935. Т. 1: Детство. Юношеские опыты. 355 с.
- Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 150–166.
- Шкловский В. Собр. соч. М.: НЛЮ, 2018. Т. 1: Революция. 1032 с.
- Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Пб.; Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 156 с.
- Фагуно J. Белая медведица, ольха, Мотовилиха и хромой из господ. Архео-поэтика «Детства Люверс» Бориса Пастернака. Stockholm, 1993. 84 с.

References

- Abramova K. V. “Ozhivayushchie kartiny” v “Detstve Lyuvers” B. Pasternaka [“Reviving pictures” in “The adolescence of Luvers” by B. Pasternak]. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*. 2020, no. 2, pp. 472–489. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-472-489
- Akimova A. S. Pamyat’ kak dukhovnoe stranstvie Zheni Lyuvers [Memory as a Spiritual Journey by Zhenya Luvers]. In: *Istorijsophiya v russkoy literature 20 i 21vek: traditsii i novyy vzglyad: materialy 9 Sheshukovskikh chteniy* [Historiosophy in Russian literature of the 20th and 21st centuries: traditions and a new look: Materials of the 9 Sheshukov Readings]. Moscow, 2007, pp. 215–219.
- Antologiya khudozhestvennykh kontseptov russkoy literatury 20 veka* [Anthology of Artistic Concepts of Russian Literature of the 20th Century]. T. I. Vasil’eva, N. L. Karpicheva, V. V. Tsurkan (Comps). Moscow, 2019, 356 p.
- Arkhangel’skiy A. Mladenchestvo Vyacheslava Ivanova i filosofiya detstva u Borisa Pasternaka [Infancy by Vyacheslav Ivanov and Boris Pasternak’s philosophy of childhood]. *Cahiers du monde russe*. 1994, vol. 35, no. 1/2, pp. 285–294.
- Arkhangel’skiy A. Okhrannaya gramota detstva [Safeguard letter of childhood]. In: Pasternak B. L. *Detstvo Lyuvers: Povesti i ocherk* [Luvers’ Childhood: Novels and essays]. Moscow, 1991, pp. 5–14.
- B. L. Pasternak: pro et contra, antologiya* [B. L. Pasternak: pro et contra, anthology]. El. V. Pasternak, M. A. Rashkovskaya, A. Yu. Sergeeva-Klyatis (Comps, comment.), E. B. Pasternak (Intr. art.). St. Petersburg, RCHA Publ., 2012, vol. 1, 1128 p.
- Baevskiy V. S. *Ostranenie: K poetike Borisa Pasternaka* [Estrangement: Toward the poetics of Boris Pasternak]. Smolensk, SmolSU Publ., 2013, 56 p.
- Bondar’ S. Yu. Tema detstva v avtobiograficheskikh povestiyakh S. Aksakova i L. Tolstogo [The theme of childhood in the autobiographical stories of S. Aksakov and L. Tolstoy]. In: *Problemy detskoy literatury* [Problems of children’s literature]. Petrozavodsk, 1992, pp. 77–85.

Bochaeva N. G. Detstvo v tvorchestve L. N. Tolstogo i I. A. Bunina: (K voprosu o vzaimosvyazi traditsiy i novatorstva) [Childhood in the work of L.N. Tolstoy and I. A. Bunina: (To the question of the relationship between traditions and innovation)]. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura 19–20 vekov* [Creativity I. A. Bunin and Russian literature of the 19th – 20th centuries]. Belgorod, 2000, iss. 2, pp. 101–104.

Eykhenbaum B. *Molodoy Tolstoy* [Young Tolstoy]. Peterburg, Berlin, Izd. Z. I. Grzhhebina, 1922, 156 p.

Faryno J. *Belaya medveditsa, ol'kha, Motovilikha i khromoy iz gospod. Arkheopoeitika "Detstva Lyuvers" Borisa Pasternaka* [White bear, alder, Motovilikha and the lame from gentlemen. Archaeopoetics of "Luvers' Childhood" by Boris Pasternak]. Stockholm, 1993, 84 p.

Ginzburg K. Ostranenie: Istoriya odnogo literaturnogo priema [Estrangement: The Story of a Literary Device]. *New Literary Observer*. 2006, no. 4, pp. 9–29.

Gorelik L. L. *Rannyya proza Pasternaka: mif o tvorenii* [Pasternak's Early Prose: The Creation Myth]. Smolensk, 2000, 172 p.

Ivanov Vyach. Vs. *Pasternak. Vospominaniya. Issledovaniya. Stat'i* [Pasternak. Memories. Research. Articles]. Moscow, Azbukovnik, 2015, 696 p.

Kuzmin M. A. *Uslovnosti* [Conventions]. Moscow, 2018, 306 p.

Mal'tseva O. A., Pavlova L. V., Romanova I. V. Baevskiy V. S. Ostranenie: K poetike Borisa Pasternaka. Smolensk, Izd-vo SmolGU, 2013, 56 s. [Baevsky V. S. Estrangement: Towards the poetics of Boris Pasternak. Smolensk: Publishing House of SmolGU, 2013, 56 p.]. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2014, no. 5, pp. 220–223.

Mastepak T. G., Poleva E. A. Detstvo v sotsiokul'turnom prostranstve romana V. Nabokova "Dar" [Childhood in the socio-cultural space of the novel by V. Nabokov "Gift"]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2020, no. 3 (209), pp. 30–44.

Makhinina N. G. Traditsii raskrytiya temy detstva v russkoy literature 20 veka (Yu. Kazakov i L. Tolstoy) [Traditions of revealing the theme of childhood in Russian literature of the 20th century (Yu. Kazakov and L. Tolstoy)]. In: *Slovo i mysl' L'va Tolstogo* [Word and thought of Leo Tolstoy]. Kazan, 1993, pp. 30–38.

Nagina K. A. Traektorii "Metel'nogo" teksta (tolstovskoe prisutstvie v tvorchestve B. Pasternaka) [Trajectories of the "Snowstorm" text (Tolstoy's presence in B. Pasternak's works)]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 31–40.

Pasternak B. L. *Poln. sobr. soch.: V 11 t.* [Complete set of works: in 11 vols]. E. B. Pasternak, E. V. Pasternak (Comp., comm.). Moscow, SLOVO / SLOVO, 2004, vol. 3: Proza [Prose], 632 p.

Podoroga V. *Vopros o veshchi. Opyty po analiticheskoy antropologii* [Question about a thing. Experiments in analytical anthropology]. Moscow, Gryundrisse, 2016, 348 p.

Popov P. Stil' rannikh povestey Tolstogo ("Detstvo" i "Otrochestvo") [The style of Tolstoy's early stories ("Childhood" and "Adolescence")]. *Literaturnoe nasledstvo*. 1939, vol. 35, pp. 78–116.

Romanova N. I. Malen'kiy i vzroslyy Irten'ev v povesti L. N. Tolstogo "Detstvo" [Small and adult Irteniev in L. N. Tolstoy "Childhood"]. *Russkaya Rech' (Russian Speech)*. 2008, no. 1, pp. 19–22.

Romanova N. I. *Povest' L. N. Tolstogo "Detstvo" v kontekste russkikh khudozhestvenno-avtobiograficheskikh povestey serediny 19 veka* [The story "Childhood" by

L. N. Tolstoy in the context of Russian artistic and autobiographical stories of the middle of the 19th century]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 209 p.

Sergeeva-Klyatis A. Yu. "Byvayut strannye sblizhen'ya...": Andrey Belyy – Boris Pasternak ["There are strange rapprochements ...": Andrei Bely – Boris Pasternak]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2016, no. 3, pp. 34–40.

Shklovskiy V. *Sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, 2018, vol. 1: Revolyutsiya [Revolution]. 1032 p.

Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy. Seriya pervaya "Proizvedeniya"* [Complete collection of works. First series "Works"]. Moscow, Khudozh. lit., 1935, vol. 1. *Detstvo. Yunosheskie opyty* [Childhood. Juvenile experiences], 355 p.

Tynyanov Yu. N. *Literaturnoe segodnya* [Literary today]. In: Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 150–166.

Volegov A. V. *Russkaya rannesimvolistskaya proza i britanskii modernizm. F. Sologub i K. Mansfield* [Russian early symbolist prose and Britain modernists. F. Sologub and K. Mansfield]. *Socio-cultural space of Russia and abroad: Society, education, language*. 2020, no. 9, pp. 20–31.

Информация об авторе

Ксения Вадимовна Абрамова, кандидат филологических наук

Information about the author

Ksenia V. Abramova, Candidate of Philology

*Статья поступила в редакцию 30.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.04.2021; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 30.01.2022;
approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 20.04.2022*